

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.2>
УДК 330.8
JEL B52, O53

А. И. Волынский

Институт экономики РАН, Москва, Российская Федерация
<http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>, ava3003@hotmail.com

КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ИДЕОЛОГИИ: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?¹

С момента выхода в 1904 году книги Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» в мир общественных наук прочно вошел тезис автора о положительной взаимосвязи между протестантизмом и капитализмом. Несмотря на многочисленные исследования, авторы которых оспаривают достоверность выводов М. Вебера, его идея сохраняет свою привлекательность. Интересен пример Дугласа Норта. Он указал на интенциональный характер природы рождения институтов. Институты для него есть попытка упорядочить непредсказуемость мира через развитие стабильных форм взаимодействий. Но какими будут эти формы — вопрос зависит не только от климатических, демографических, технологических и прочих переменных материального мира, но и от этических установок людей.

В своем исследовании мы отталкиваемся, с одной стороны, от предположения о связи между институтами и идеологиями в широком смысле значения термина, с другой стороны — от концепции комплементарных институтов. Последняя предполагает наличие в институциональной среде двух и более взаимодополняющих институтов. Определяя структуру контрактных отношений между агентами в отношении одноплановых задач, комплементарные институты предполагают наличие различных систем стимулов и принципов реализации обязательств. Но как институциональная комплементарность согласуется с идеологиями, доминирующими в обществе? Допускают ли идеологии сосуществование комплементарных институтов? На двух сюжетах из истории Китая мы покажем, что институциональная комплементарность возможна лишь в случае допущения носителями доминирующей идеологии гибкости в трактовках идеологических установок и, вероятно, существования комплементарных идеологий. Первый пример — популярность даосизма как комплементарной идеологии конфуцианства в среде купечества в цинском Китае. Конфуцианство не могло создать необходимых этических стимулов для тех, кто занимался торговлей. Этическую пустоту восполнял даосизм со своими магическими практиками. Второй эпизод связан с эпохой династии Хань и спором о границах влияния государства на экономику между представителями разных философских школ той эпохи. В обоих примерах комплементарная идеология создавала необходимые стимулы к созданию комплементарных институтов.

Ключевые слова: институционализм, институты, идеология, религия, Китай, конфуцианство, даосизм, институциональная комплементарность

Для цитирования: Волынский А. И. Комплементарные экономические институты и идеологии: есть ли связь? // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 4. С. 497-511. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.2>

¹ © Волынский А. И. Текст. 2021.

Andrei I. Volynskii

Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russian Federation
<http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>, ava3003@hotmail.com

Is There a Link Between Complementary Economic Institutions and Ideologies?

Since the publication of Max Weber's "Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism" in 1904, the author's idea about the positive relationship between Protestantism and capitalism has taken root in social sciences. Even though since then, multiple authors have questioned Weber's idea, it still remains popular. Douglass C. North's theory of institutions is interesting in this respect. He pointed to the intentionality behind the emergence of institutions. For North, institutions are an attempt to reduce the uncertainty by providing a structure to our everyday life, including interactions. The forms of these interactions depend not only on the climatic, demographic, technological and other factors, but also on people's ethical attitudes. In our study, we proceed from the assumption that there is a relationship between institutions and ideologies in the broad sense of the term, on the one hand, and, on the other, from the concept of complementary institutions. The latter implies the presence in the institutional environment of two or more complementary institutions. Complementary institutions determine the structure of contractual relations between agents pursuing simple tasks, which means that there are various systems of stimuli and principles of how these agents should deliver on their obligations. In this respect the question arises as to how such institutional complementarity fit into the ideologies prevailing in this or that society? Is it possible for complementary institutions to coexist? In this study we focus on two cases from Chinese history to show that institutional complementarity is possible only if the adherents to the dominant ideology are ready to accept the possibility of flexible interpretations of such ideology and of the existence of complementary ideologies. The first example is the popularity of Taoism as a complementary ideology of Confucianism among the merchants in Qing China. Since Confucianism could not create the necessary ethical incentives for those people who were engaged in trade, Taoism filled the ethical void with its magical practices. The second case relates to the era of the Han Dynasty and the dispute about the limits of the state's influence on the economy between the representatives of different philosophical schools. In both examples, complementary ideology creates necessary incentives for building complementary institutions.

Keywords: institutionalism, institutions, ideology, religion, China, Confucianism, Taoism, institutional complementarity

For citation: Volynskii, A. I. (2021). Is There a Link Between Complementary Economic Institutions and Ideologies? Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 18(4), 497-511. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.2>

Постановка проблемы

Цель нашего исследования — рассмотреть гипотезу о связи между идеологиями и экономическими институтами. Формально этот вопрос нельзя считать новым для экономической науки, однако мы решили усложнить задачу и рассмотреть гипотезу о наличии в обществе комплементарных институтов и о том, как комплементарность институционального устройства может быть связана с доминирующими в обществе идеологиями. Прежде чем перейти к основной части, считаем необходимым прояснить ряд ключевых для нас вопросов: определения идеологий как таковых; теории и практики рассмотрения идеологий как факторов институционального развития; определения комплементарных институтов.

а) Идеологии: к вопросу определения

Говоря об идеологиях как факторе экономического развития, а точнее, становления экономических институтов, необходимо уточнить само понятие идеологии и ответить на ряд вопросов: тождественны ли идеология и культура, можно ли религию считать идеологией и как исследование идеологий приложимо к экономике. Современный дискурс предполагает фактическое отождествление термина с политическими идеологиями. Так, автор соответствующей ста-

ты для энциклопедии Britanica определяет идеологию как «форму социальной или политической философии <...> систему идей, которая стремится как объяснить мир, так и изменить его (Cranston). Родившись во Франции эпохи Просвещения¹, термин поначалу обладал положительными коннотациями, обозначая учение об идеях, определяющих и процедуры познания мира, и способы обустройства общественных отношений. Политизировал термин Наполеон — благодаря ему понятие стало использоваться в политических дебатах и исключительно в негативном контексте. Новый импульс академическому развитию термина дал Карл Маркс, для которого идеология была частью надстройки, результатом выбора господствующих классов, способом сохранения текущего положения в обществе. Идеология для Маркса — не сила, формирующая общество и влияющая на социальные процессы, а скорее искусственный конструкт, результат социальных процессов. Напротив, самостоятельной исторической силой наделил идеологию уже в послевоенные годы представитель франкфуртской школы Теодор Адорно. Для него идеология — это не что-то существующее вне общественной ре-

¹ Тут и далее мы опираемся на исторический обзор понятия, приведенный в: (Bo Strath, 2013).

альности, не следствие реальности, но ее часть. Послевоенная история привнесла в изучение идеологий как фактора развития обществ известный дуализм: демократия против тоталитаризма, либерализм против коммунизма. С одной стороны, разделение мира, в основу которого легли идеологические противоречия, ярко показало перформативный потенциал идеологий как общественного явления: идеологии могут творить историю. С другой стороны, создало своего рода вызов: являются ли такие идеологии, как свобода, равенство, гражданство некими онтологическими категориями, или же, напротив, вырастают из дискурсивных практик, свойственных отдельным историческим эпохам (Hunt, 1984). В первом случае они могут быть объяснены через изучение социальных структур, тогда как во втором — через изучение природы политики как формы публичного действия. Воссоединение двух этих направлений, двух реальностей — реальности социума и реальности дискурсивных практик, изменчивых и зависимых от воли отдельных акторов, — вероятно, самый болезненный вопрос при изучении идеологий, в том числе при изучении их влияния на экономические институты.

Наиболее для нас подходящее определение предложил Уиллард Маллинз. Для него политические идеологии — это логически последовательный набор идей, который должен владеть над познавательной способностью, определять оценочные суждения, вооружать носителя идеологии инструкцией к действиям (Mullins, 1972). Другим, и уже более близким к экономике, является определение Йозефа А. Шумпетера. Позволим себе объемную цитату из его эссе о связи идеологии и экономической науки: «ведь идеологии не являются просто ложью, — это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит. Подобно тому как средневековый рыцарь видел себя таким, каким хотел видеть, или как видит себя современный бюрократ и подобно тому, как они оба не могут понять доводов, которые могут быть приведены против мнения каждого из них о себе как о защитнике слабых и невинных или гаранте общественного блага, каждая социальная группа разрабатывает защитную идеологию, которая является в высшей степени искренней» (Шумпетер, 2012. С. 252).

Учитывая два приведенных определения¹, подведем итог и сформулируем то значение

¹ Следует уточнить, что политическая наука существенно продвинулась в изучении принципов формирования и существования идеологий как явлений социальной и политической реальностей. Это и морфологический анализ иде-

термина, в котором его будем употреблять мы. В контексте нашего исследования под идеологией будет пониматься широкий набор культурных явлений, как то: доминирующие в тот или иной временной период учения, религии, идеи и концепции, формирующие некие этические установки и побуждающие к совершению определенных социальных действий. Для нас идеологии — это разделяемый широкой популяцией носителей набор идей и представлений о правильном способе обустройства общественных отношений и институтов (в том числе идей о государстве) и правильном способе социального действия. Вместе с тем мы понимаем, что идеологии контекстуально могут быть определены как непостоянные переменные: коммунизм как доминирующая идеология может смениться либерализмом, национал-социализм — приверженностью демократии и так далее. И зачастую смена идеологий может быть объективно обусловлена выбором политических элит. Идеологии при этом могут находиться в сложном и драматичном взаимодействии с тем, что условно принято называть культурой, понимаемой как устойчивый во времени набор этических, культурных, политических и религиозных образцов. Так, Толкотт Парсонс, говоря о социальном действии как культурном, говорил именно о культуре как устойчивом наборе образцов поведения, изменяющихся на протяжении поколений (Парсонс, 1993). «Герои» же нашего исследования — идеологии, вытеснение которых иными идеологиями может порой носить революционный характер.

б) Идеологии, культура и институты: история изучения

Точкой отсчета исследований связи между экономическим развитием и набором культурных, религиозных и идеологических факторов можно считать 1904 год — время выхода первого очерка Макса Вебера о протестантской этике и духе капитализма. Кальвинистский протестантизм с его особым отношением к соотношению мирского и духовного стал, по Веберу, основой «духа» капитализма. Пуританин, с его пониманием аскезы как задачи совершенствования этого мира через собственное активное действие, трудился, полагая это главным инструментом спасения, а прибыль воспринимал

ологий (Freedon, 2013), и постмарксистский, и постструктуралистский (Turner, 2017), и дискурсивный анализы. Каждый из подходов в той или иной степени использует понимание идеологии фактора и как части социального и политического процессов.

как побочный эффект деятельности и вкладывал ее в развитие производств, а не в потребление благ¹. Однако сама веберовская постановка вопроса долгое время не воспринималась как предмет экономического исследования. Примечательно, что в классическом труде Марка Блауга Макс Вебер упоминается либо как брат экономиста Альфреда Вебера, либо при обсуждении тезиса об этической нейтральности в общественных науках (Блауг, 1994. С. 577; 655). Лайонел Роббинс в своих лекциях по истории экономической науки упоминает Вебера чаще. Характерна его фраза «любой, кто всерьез воспринимает социальные науки, должен ознакомиться с Максом Вебером» (Роббинс, 2013. С. 333). Для него труд Вебера по-прежнему вне рамок экономических исследований, но он подчеркивает необходимость учитывать «общую теорию капиталистических экономических систем»: Роббинс упоминает Вебера в связке с Шумпетером и его теорией предпринимателя (Роббинс, 2013. С. 433).

Включение культурных, идеологических и религиозных факторов в круг экономических исследований стоит связывать с завоеваниями новой институциональной экономической теории (НИЭТ). Показав, что институты как определяющие фактор транзакционных издержек, важны для развития, а человеческий выбор лишь ограниченно рационален и человеку свойственен оппортунизм, НИЭТ расширила предмет экономической науки и, вместе с тем, поставила перед собой ряд вопросов, в том числе и о процессах формирования институтов. Масштабные исторические исследования Дугласа Норта и его соавторов, а затем и Дарона Аджемоглу и Джеймса А. Робинсона (Норт и др., 2011; Acemoglu and Robinson, 2012), показали влияние институтов на экономическое развитие. Но что влияет на сами институты и что определяет их изменение?

¹ Справедливости ради отметим, что эту трактовку связи духа капитализма и пуританства мы даем по работе Вебера о конфуцианстве (Вебер, 2017. С. 369–398). Вебер обнаружил сходство между рационализмом конфуцианства и протестантизма. Однако, следуя логике Вебера, почему, несмотря на развитие торговли и положительное отношение к богатству в конфуцианстве, Китай не перешел к становлению капитализма? — Ответ для Вебера кроется в различном понимании учениями мирского и целей существования человека в мире. Если для конфуцианцев цель — самосовершенствование, то для пуритан — мирская аскеза. Бережливость, скромность, активное служение обществу и демонстрация результатов труда — вот залог спасения для кальвинистских сект. Чтение книг, соблюдение пышных ритуалов — условия конфуцианского самосовершенствования.

Климат, демографические и технологические процессы — все это в равной степени может считаться определяющим фактором развития институтов и, более того, находить свое твердое эмпирическое подтверждение. Так, влияние климата было показано в работе С.Г. Кирдиной, О.В. Сенько и А.В. Кузнецовой (Кирдина и др, 2015). Однако сам Норт в своем позднем исследовании причин и процессов институциональных изменений (Норт, 2010) как основу институтов называет убеждения (*beliefs*). Неопределенность мира побуждает человека и общество к созданию институтов как способа поиска стабильности в социальных отношениях. Каковы будут эти институты, зависит, для Норта, от имеющихся в обществе убеждений. Он подробно разбирает влияние культурного наследия на институты, объясняя его через отсылки к когнитивной науке и напоминая читателю об эффекте *path dependence*. Человеческое мышление склонно к решению задач через формирование и использование устойчивых паттернов, механизмом передачи которых и является культура в ее широком понимании. Система убеждений для Норта — это внутренняя репрезентация общественного пространства, сформированная под влиянием прошлого опыта, как личного, так и передаваемого через поколения, а институты — внешнее проявление репрезентаций (Норт, 2010. С. 80).

В своем внимании к культуре Норт оказался не одинок. Например, свое исследование культуры как переменной экономической истории создал Джоэль Мокир. Он же дал свое определение термину «культура», применимое к экономическим исследованиям: «набор убеждений, ценностей и предпочтений, способных влиять на поведение, которые передаются социально (а не генетически) и разделяются некоторым подмножеством общества» (Мокир, 2017. Р. 9). В итоге, спустя десятилетия с момента публикации Вебера гипотеза о связи культуры и религии и экономики до такой степени вошла в предмет экономической науки, что уже появился широкий круг работ, фактически развивающих веберовскую теорию о связи протестантизма и капитализма (подробный обзор актуальных исследований см.: (Арсланов, 2020), дискуссии о наследии Вебера идут и на страницах данного журнала (Студенцов, 2019). Даже Аджемоглу и Робинсон, исследование которых от 2012 года оставляло ощущение, что кроме политического выбора элит относительно вопроса перераспределения рент иные определяющие институтов для них не являются существенными, а механизм *path*

dependence для них определяется стремлением элиты к сохранению текущего порядка, в своем свежем исследовании заговорили о культуре как о переменной, оказывающей решающее влияние на развитие институтов (Acemoglu and Robinson, 2021). Их причина обращения к культуре довольно интересна: теория модернизации предполагает, что по мере экономической модернизации, роста благосостояния, уровня образования и потребления в обществе появляется запрос на политическую модернизацию: развитие гражданских прав и свобод, электоральную либерализацию. Однако опыт Китая последних десятилетий свидетельствует, что это предположение не работает: рост благосостояния в Китае не привел к формированию демократической повестки в китайском обществе. Напротив, исследование среднего класса в Китае показало, что именно его представители, вероятно наибольшие сторонники демократии в других обществах, в Китае, напротив, к демократии относятся настороженно (Chen, 2013)¹. Причины Аджемоглу и Робинсон видят во влиянии культурных факторов, в частности, конфуцианства в Китае.

Таким образом, мы видим, что изучение культуры — не маргинальное для сегодняшнего дня направление экономических исследований. Однако оно сталкивается с рядом сложностей. Норт относит область действия культуры к сфере неформальных институтов — норм, конвенций, кодексов поведения (Норт, 2010. С. 80–81). Однако измерение неформальных институтов в тех категориях анализа, что применимы в экономических исследованиях, — вопрос пока еще далекий от своего решения и предполагает использование смешанных качественно-количественных методов (Тамбовцев, 2020). Наиболее известными примерами количественного метода исследований социокультурных показателей можно считать масштабные проекты Рональда Инглхарта (Inglehart R., Welzel C. 2005) и Герта Хофстеде (Hofstede G., 2001), в основу которых легли типологические модели описания культур по выделенным ключевым параметрам и проведение полевых исследований. Модель Инглхарта использована во Всемирном исследовании ценностей (World Values Survey) и позволяет рассматривать процесс культурных изменений по ключевым параметрам в истори-

ческой динамике (напомним, что он выделил следующие показатели: ценности выживания / самовыражения; традиционные / секулярно-рациональные). Однако эти данные помогают лишь составить глобальную картину и ничего не сообщают нам о реальном внутреннем наполнении понятий рациональности или, например, ценности самовыражения (в частности, уже процитированная выше работа Вебера построена на том, что конфуцианство и протестантизм — оба секулярно-рациональны, однако критерий рациональности для тех и для других, ровно как и понимание ценности самовыражения, совершенно различны). И тут мы подходим к вопросу о том, что может быть не только объектом изучения при рассмотрении культуры, но и источником изучения: являются ли это глубинные опросы носителей культуры или же что-то иное? И как интерпретировать полученные результаты в ситуации, когда перед нами стоит задача сравнения культур по неким ключевым параметрам, которые, будучи обозначены идентичными терминами, тем не менее, для каждой культуры будут наполнены неэквивалентным содержанием²? Снова зададимся вопросом о том, как соотносятся культура и идеологии³. Культура как явление относительно стабильна, ее изменения, как показывает Всемирное исследование ценностей, постепенны. Идеологии влияют на нее, как она на институты, да и на приживаемость идеологий. Идеи, книги, термины, идеалы поведения приходят из интеллектуальной среды и либо отторгаются культурой, либо принимаются. Человек экономический, рациональный и максимизирующий — сегодня это уже не только основа экономического анализа, но и часть европейской культуры. Однако, как показывает Кристиан Лаваль, образ человека экономического не пришел из ниоткуда, а был рожден в культуре, в литературе своей эпохи, и не только экономической (Лаваль, 2010. С. 351–352). Аналогично и второе ключевое для капитализма понятие — частного права — было рождено не само по себе, а вышло из долгих и сложных интеллектуальных дискуссий о добродетели, божественном и мир-

² О различиях в понимании таких базовых понятий, как «общество» и «государство» в языках разных культур см.: (Кирдина-Чэндлер, Круглова, 2019).

³ Подчеркнем, что хотя Макс Вебер писал о религиях, их можно в нашем случае отнести к категории идеологий как набора дискурсивных практик, текстов и терминов, сообщающих информацию об определенных поведенческих нормативах и ценностных установках.

¹ В этом исследовании как возможное объяснение предлагалось то, что китайский средний класс наиболее тесно связан со структурами Коммунистической партии Китая (КПК) и поэтому является носителем соответствующих идеологических установок.

ском (Пирсон, 2020)¹. В свете этих соображений рискнем предположить, что именно идеологии², которые можно рассматривать как составляющие культуры, могут стать для экономистов более выгодным рассказчиком о том наборе этических норм и представлений об устройстве общества, которые непосредственно влияют на экономические институты.

в) Комплементарные институты

Появление понятия комплементарных институтов или институциональной комплементарности (Institutional complementarities) принято связывать с именем экономиста японского происхождения Масахико Аоки (Aoki, 1996). Библиометрический анализ использования термина, выполненный Франческой Гальярди, показал сравнительную популярность термина в среде гетеродоксальных экономистов, в частности, в институционально-эволюционной экономике (Gagliardi, 2014). Конструкция, предполагающая совместное функционирование разных форм институтов, регулирующих одну сферу деятельности, служит взаимному росту эффективности этих институтов. Идея о возможности сосуществования многих вариаций институтов и комбинаций комплементарных институтов идет вразрез с популярным в литературе об институциональных изменениях мнением о наличии одной наиболее эффективной версии институтов и необходимости выработки стратегии по созданию этих институтов в реформируемых обществах (Amable, 2016). Аналитическая ценность концепции становится ясна на примере исследований авторов из стран с переходными типами экономик, где проблема сосуществования институтов государственного регулирования, их деконструкции по мере транзита от плановой экономики к рыночной и институтов рыночного регулирования стоит перед обществом наиболее явно (см., например, исследование комплементарности китайского рынка труда (Zhu, Nyland, 2017) и комплементарных институтов на российском рынке финансирования

региональных экономик (Коровин, Крохина, 2017).

Концепция комплементарных институтов оказалась применима к задачам сравнительных институциональных исследований, что показал сам Аоки (Aoki, 2001). Упоминаются комплементарные институты и в российской теории институциональных матриц С.Г. Кирдиной-Чэндлер. Концепция предполагает наличие в мире двух основных институциональных матриц (сами матрицы понимаются во вполне нортианском духе как исторически присущие обществу базовые формы распределения прав собственности и властных полномочий) — X и Y. Матрицы состоят из трех базовых институтов: идеологических, экономических и политических. Каждые из институтов соответствуют друг другу. К примеру, институты редиистрибутивной экономики соответствуют централизованному политическому устройству и коммуитарной идеологии, а рыночные институты — идеологии индивидуализма (Кирдина, 2014). Базовые институты одних матриц дополняются комплементарными институтами других матриц. Согласно Кирдиной-Чэндлер, отсутствие в обществе комплементарных институтов ведет к кризисам, а залог успеха обществ — наличие адекватных пропорций между базовыми и комплементарными институтами.

Представить себе сосуществование базовых и комплементарных институтов в политической и экономической сферах возможно. Примером существования комплементарных институтов рыночной экономики в системе плановой экономики с известной долей условности можно назвать современный Китай. В политологии Джозеф Райт показал, что наличие парламента в странах с авторитарными режимами повышает качество государственного управления (Wright, 2008). Однако для нас остаются непроясненными вопросы о том, кто и как определяет необходимость развития комплементарных институтов и как доминирующие в обществе идеологии реагируют на наличие комплементарных институтов. Если идеология стремится дать непротиворечивое и всеобъемлющее объяснение устройства мира и общества, создать поведенческий норматив, то как в эту конструкцию вписываются комплементарные институты? Возможно ли существование в обществе комплементарных идеологий или внутриидеологические допущения комплементарных решений? Именно на эти вопросы мы постараемся ответить на двух примерах китайской истории.

¹ Даже рождение одной концепции в рамках одной идеологии — процесс сложный и порой неожиданный. Например, показательно исследование становления понятия справедливости в либерализме и марксизме на страницах данного журнала (Сушенцова и др. 2021).

² Отвечая на вероятно возникший у читателя вопрос о связи религий и идеологий, скажем, что, рассматривая исследование Вебером китайского мира, можно с уверенностью поставить знак равенства между понятиями «религии» и «идеологии», так как конфуцианство определяется через оба этих термина.

**Понять Китай: колея ориентализма,
конфуцианство, торговля и даосизм**

Через поражения имперского Китая в Опиумных войнах, включение страны в систему международной торговли на фактически неравноправных условиях, технологическое и экономическое отставание от стран Западной Европы — все это сформировало особый образ традиционного Китая, который на долгие годы вперед определил и восприятие страны западными учеными. Вопрос о причинах отставания Китая, равно как и Востока в целом, не мог не возникнуть перед представителями зарождавшихся на Западе социальных наук. Свой вклад внес и Макс Вебер, чье исследование Китая, а потом и Индии, перенесло обсуждение проблемы в контекст изучения онтологической разницы между Востоком и Западом: развитие дает капитализм, а капитализм на Востоке невозможен в силу ментальных и культурных особенностей. Прочная объяснительная конструкция сформировала характерный образ Востока и Китая в западной литературе, став тем, что Эдвард Саид назвал «ориентализмом» — стилем мышления, предполагающим глубинное разделение мира на Запад и Восток с приданием обоим определенных фиксированных качеств (Саид, 2006). Отстающий, склонный к диктатурам, лишенный культуры личностной мотивации, Восток не способен к динамичному шумпетерианскому развитию в силу отсутствия необходимых мировоззренческих предпосылок. Для последнего тезиса важным было допущение об идеологической однородности стран Востока, Китая в частности.

Развитие исторического знания ударило по целостной ориенталистской картине мира. Стало ясно, что до определенного момента в истории Китай в своем развитии от Запада как минимум не отставал. Кеннет Померанц выдвинул предположение о том, что «великое расхождение» между Европой и Азией началось лишь с начала XIX века, а до этого направления и уровни развития были сопоставимы (Pomeranz, 2000). Возник вопрос гораздо более сложный, чем он воспринимался ранее: почему Китай, имея все предпосылки к экономическому рывку, сопоставимому с рывком длинного XVII века в Западной Европе, так его не совершил. Так, Джоэль Мокир показывает, что на определенном этапе развития Китай опережал Запад в развитии технологий, но удержать лидерство в Новое время не смог, более того, многие технологии были забыты. Одну из причин он видит в институциональном устройстве рынка инноваций в Китае

и осознанном курсе элит на технологическую стагнацию (Мокир, 2014. С. 367). Иммануил Валлерстайн ищет ответ на вопрос о том, почему Китай, имея огромный объем знаний и технологий для совершения прорыва в мореплавании, не стал лидером эпохи великих географических открытий и не смог стать одним из эпицентров экономического рывка, с одной стороны, ставит под сомнение простую корреляцию между экономическим ростом и распространением идеологии индивидуализма, с другой, заявляет о том, что китайская система ценностей не создавала необходимых стимулов к развитию, схожему с европейским (Валлерстайн, 2016. С. 73–74). Авторы соответствующей главы в «Кембриджской экономической истории» аналогичным образом рассматривают проблему отставания Китая не как постоянное явление, а как результат «великого расхождения». Говоря об институциональных факторах отставания, авторы отмечают, что Китаю были известны институты кредитования, было в Китае на пороге Нового времени и нечто подобное европейскому публичному праву, однако экономические и правовые отношения так и не смогли на институциональном уровне перейти к практике обезличенного обмена: подобно магрибским купцам, чья торговля строилась на системе неформальных правил и гарантий, китайские купцы не создали никаких формальных правил торговли (Кембриджская..., 2013. С. 421). Они ссылаются на исследование Авнера Грейфа, в котором он указал на то, что исторический проигрыш магрибских купцов генуэзским был обусловлен тем, что последние смогли создать формальные институты и благодаря им совершили переход к обезличенному обмену (Грейф, 2013). Однако если авторы «Кембриджской экономической истории» объясняют аналогичный эффект в Китае силой общинного уклада, позволявшего агентам опираться на исторически устойчивые внутриобщинные конвенции, то применительно к истории магрибских купцов Грейф акцентирует идеологический фактор. Именно поэтому на это же исследование ссылается Норт (2010. С. 116). Коллективизм ислама стимулировал купцов к созданию групповых сетей коммуникации, тогда как генуэзцы смогли создать институты принуждения, гарантировавшие исполнение контрактов вне зависимости от включения контрагентов в любого рода — этнические, семейные или религиозные — сети.

В свете этого исследования интересно отметить, что в среде китайских торговцев рубежа

XIX–XX веков был популярен даосизм — китайская религия, которая государственными конфуцианскими идеологами все чаще ассоциировалась с ересью. Конфуцианство, а точнее неоконфуцианство, в трактовке Чжу Си (1130–1200) ушло на уровень государственной идеологии, носителями которой была интеллектуальная элита страны — чиновники, чье продвижение по карьерной лестнице на начальных этапах зависело от результатов сдачи экзаменов на знание конфуцианских канонов. В народной среде процветал даосизм с его набором магических и духовных практик, который, в отличие от практически секулярного рационализма неоконфуцианства, давал adeptам обетование лучшей жизни после смерти. Практики даосизма предполагали упор на общинное религиозное действо¹. В уже не раз процитированном нами исследовании Макс Вебер анализирует факт симпатии торговцев к даосизму и отчасти винит именно его в том, что китайская среда торговцев не смогла создать ничего подобного «этике капитализма». Если в Европе, по Веберу, капитализм вышел из рационализма протестантизма, то в Китае он мог выйти из рациональности конфуцианства, однако носители последнего отождествляли свой личный успех с карьерой в государственных институтах, а богатство воспринимали как возможность инвестировать в саморазвитие и образование детей, а не в основной капитал. Столь же популярный в среде торговцев даосизм, напротив, был наполнен магическими представлениями об устройстве мира и способах воздействия на него и от рациональности был бесконечно далек (Вебер, 2017. С. 330)².

¹ Об этом см., например, полевое исследование синолог Абри Масперо, который застал быт даосских общин и деревень, где практиковался даосизм (Масперо, 2007). Кульминацией развития социальных сетей, основанных на даосизме, стали тайные общества, спустя десятилетия эволюционировавшие в т. н. триады — китайскую мафию (Huang, Wang, 2002).

² В современной литературе вопрос конфессиональной принадлежности торговцев акцентируется редко. Можно встретить утверждение о том, что культура торговцев была результатом синтеза конфуцианства, буддизма и даосизма (Hu, Yang, 2020). Однако необходимо пояснить, чем являлся и чем мог быть синтез с учетом культурного контекста. Проблеме взаимной диффузии буддизма и даосизма в Китае посвящено значительное число исследований: обе религии соперничали друг с другом, подчас соперничество приобретало насильственный характер, однако взаимопроникновение религиозных доктрин, терминов, мистических практик и персонажей широкого даосского и буддийских, и народного пантеонов, а также и взаимный прозелитизм были крайне велики. Стараясь проповедовать на привычном для китайцев языке религиозных терминов,

Из эпизода со сравнением купцов и их духовных пристрастий нельзя сделать сколь бы то ни было определенный вывод о связи идеологий и экономических институтов, но он служит хорошей иллюстрацией нашего следующего тезиса о том, что попытка объяснить историю Китая через господство лишь одной идеологии — конфуцианства — это своего рода колей ориентализма³. В действительности общественное развитие Китая протекало на фоне бесчисленных противоречий и дискуссий между различными религиозными и философскими учениями. История отставания Китая от стран Европы в Новое время не дает нам однозначных ответов на вопрос о том, какой фактор стал решающим: демографический, технологический, производственный,

буддисты все больше и больше заимствовали даосские термины, наполняя их буддийским содержанием (Кожин, 2007. С. 264). Поэтому буддийские и даосские элементы в культуре торговцев традиционного Китая можно воспринимать как элементы одного социально-религиозного контекста. Тем более, что и сам даосизм, прочно войдя в народную религиозность, утратил свою доктринальную целостность. Сложнее обстоит вопрос с конфуцианством. Знание конфуцианского канона являлось входным барьером в среду китайской элиты и было необходимо выходцам из торговой среды для их дальнейшего продвижения по социальной лестнице. Не зная конфуцианских канонов, будучи торговцем, вы не могли конвертировать свой финансовый успех в политический и социальный ресурс, что затормаживало дальнейшее восхождение по социальной лестнице. Показательна история купеческой семьи из Шэсяня, которая лишь сперва достигнув успеха на поприще торговли, обратилась к конфуцианству и после перестала заниматься купеческой деятельностью (Jianhui, 2008). Сюжет с попытками наиболее успешных торговых семей и кланов перенять элементы конфуцианской культуры как способа войти в состав китайской элиты повторяется и в исследованиях китайских торговцев солью — одних из богатейших семей традиционного Китая. Опираясь в своих повседневных практиках на даосский, буддийский и народный культы (Kwan, 2001. P. 76), используя многочисленные даосские магические практики, они старались перенимать элементы «высокой» письменной культуры и, соответственно, конфуцианской традиции. Хотя и в этом случае «окнами» в мир высокой культуры для них часто становились беседы с буддийскими и даосскими монахами (Zhang, 2020. P. 791) Интересно, что Чжэн Гуаньин (1842–1922) — человек, агитировавший за масштабные экономические реформы позднечинского Китая, активно работавший во внешнеторговой деятельности, специалист по европейскому праву, был ярким сторонником даосизма (Wu, 2010).

³ Добавим, что и сам термин «конфуцианство» — европейский, не имеющий своего прямого аналога в китайском языке. Им европейские миссионеры обозначили тот набор представлений, канонов и доктрин, который был институционализирован как официальная государственная идеология в средневековье.

институциональный или идеологический. Но из примера сосуществования конфуцианства как идеологии государства и чиновничества, и даосизма, как идеологии деревенского населения и торговцев, уже можно сделать вывод о наличии комплементарных идеологий: конфуцианство терпимо относилось к торговле, более того, богатство государства и общества воспринималось как неременное условие правильного правления.

Чтобы понять, насколько конфуцианство не было чуждо рассмотрению таких вопросов, как правильная государственная фискальная и монетарная политика, достаточно ознакомиться с трактатом видного конфуцианца и отца китайской историографии Сыма Цяня «О сбалансированности хозяйства» (Сыма Цянь, 1986. С. 201–225). Но Конфуций же создал тот образ социальной идентичности, который предполагал, что есть два вида деятельности: «добывание пищи» и «добывание истинного учения». Первое — это любой производительный труд и торговля, занятие для низких, ничтожных людей (сяо жэнь), второе — задача для «благородных мужей» (цзюнь-цзы)¹. Конфуцианцы всю историю терпимо, но пренебрежительно относились к любого рода экономической деятельности. Интеллектуалы стремились к постижению книжного учения и к карьере чиновника, чураясь любых иных видов деятельности. В этом смысле даосизм можно было считать комплементарной идеологией, той, которая создавала необходимую социальную идентичность².

Мы привели первый из двух примеров, которые показывают возможность существования комплементарных идеологий, поддерживающих функционирование комплементарных институтов. Конфуцианство не стигматизировало рыночную деятельность, однако этика конфуцианства предполагала самоидентификацию носителей идеологии с институтами государственной редистрибуции: конфуцианское знание об экономике ограничивалось фискальными и монетарными аспектами. Относительная терпимость конфуцианства к иным идеологиям открывала двери тем, чья этика допускала иной набор социальных идентичностей, а следовательно, создавала предпосылки к функционированию комплементарных институтов. Ниже мы рассмотрим еще один сюжет китайской истории, иллюстрирую-

щий взаимосвязь между комплементарными идеологиями (либо допущение носителями идеологии возможности разных трактовок одной идеологии) и комплементарными институтами. В нем не будет столь явных примеров сосуществования двух и более идеологий, напротив, речь пойдет о дискуссиях об экономике и роли государства в ее функционировании.

Спор о соли и железе

«Спор о соли и железе» — это древнекитайский трактат, датируемый периодом Западной Хань (II–I вв. до н.э.). Текст «спора» переведен на русский язык и изучен достаточно подробно (Хуань Куань, 2001). Основу повествования составляет дискуссия о значении государственной монополии на производство железа и добычу соли. Государственный сановник — последовательный сторонник расширения государственного влияния на экономику через установление монополий на соль, железо и вино, а также через установление монополии центральной власти на чеканку монет, взимание налогов и через контроль за торговыми перевозками между провинциями. Его оппонент — ученый, который является, скорее, собирательным образом ученых-конфуцианцев, выступавших против государственных монополий, введенных императором У-ди (156 — 87 гг. до н. э.). Чтобы понять, почему этот документ — свидетельство комплементарности идеологий, необходимо погрузиться в контекст эпохи. С одной стороны, западно-ханьская империя делала ставку на конфуцианство как государственную идеологию, с другой, наследовала государственный аппарат и часть интеллектуальных и управленческих элит предшествовавшей циньской империи, однозначно строившей государственные институты власти, основываясь на учении, оппонировавшем конфуцианству — легизме (Майоров, 2016. С. 242). Конфуцинизация государственного аппарата и элит при Хань шла небыстро, а многие управленческие идеи были напрямую заимствованы из легизма, в том числе — идея о введении государственных монополий. Один из основателей легизма Шан Ян (390–338 гг. до н.э.) был последовательным сторонником активного государственного вмешательства в экономику, реализации мер по расширению налоговой базы и ужесточения налогового законодательства. В его представлении государство должно было олицетворять собой экономическую и военную мощь, для чего и необходимо было увеличивать бюджетные доходы через налоги и через создание системы принуждения к их

¹ Подробнее об этом см.: (Пэй Чан-хун, 2006. С. 576–577).

² О роли идентичности в экономической деятельности см.: (Akerlof, Kranton, 2000).

уплате. Интересно, что Шан Ян с его мышлением, предполагавшим необходимость создания механизмов инфорсменты, законов и налоговых обязанностей¹, первым в Китае сформулировал необходимость наличия установленных прав собственности в словах, как нельзя близких к теореме Коуза: «когда сто человек гонятся за одним зайцем, они делают это отнюдь не из желания разделить его на сто частей, а лишь потому, что [никто] не установил своих прав [на этого зайца] [И наоборот], если даже весь рынок будет наводнен продавцами зайцев, то и тогда вор не посмеет украсть зайца, ибо право [собственности] на него уже установлено (Книга..., 1993. С. 238). Легистская модель государства предполагала, что государство обладает монопольным правом применения насилия и может регулировать общественные и производственные процессы посредством законов, сообразуясь с собственными интересами. И из текста, чье авторство приписывается Шан Яну, и из реплик сановника в «Споре...» мы понимаем, что государство в этой модели позиционирует себя и как игрока, и как того, кто устанавливает правила игры. Ученые-конфуцианцы в «Споре...» стоят на иных позициях. Для них государство и общество — единая онтологическая сущность. Государство — правитель и чиновники — носители идеи самосовершенствования — являют обществу пример лучших жизненных правил. Фактически для Конфуция неформальные этические конвенции и поведенческие примеры выше законов. «Учитель сказал: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил, то [в народе] появится [чувство] стыда и он исправится», — находим мы в Лунь юе, главном источнике об учении Конфуция (Конфуцианское..., 2004. С. 161). Идея правителя — образа правильного социального поведения срабатывает в споре о монополиях: ученые убеждают сановника в том, что, вводя государственные монополии, государство лишь показывает пример погони за прибылью, хотя должно демонстрировать идеал бережливости и не вмешиваться в экономическую деятельность (Хуань Куань, 2001. С. 17). Государство для конфуцианцев — не агент экономической деятельности с моно-

польным правом модификации правил игры. Государство фактически должно оказываться вне игры и лишь транслировать обществу примеры правильного хозяйствования.

Последующая китайская историография трактовала спор как дискуссию между разными школами конфуцианства — это стало частью общего нарратива о том, что архитектор ханьской империи У-ди единственной идеологией избрал конфуцианство взамен дискредитированного в глазах общества при Цинь легизма. Однако современные исследования показывают, что такая трактовка — лишь упрощение (Хуань Куань, 2001. С. 37). Симпатизировавший конфуцианству У-ди, тем не менее, не отсекал от возможностей влиять на политику империи и представителей иных школ². Монополии были сохранены, равно как сохранена и активная фискальная политика, что позволило, как минимум, успешно реализовывать внешнеполитическую стратегию. Западная Хань избрала своей официальной идеологией конфуцианство, что политически было оправданно: легизм с его тягой к активному регулированию общества и правил сумел настроить общество и против себя, и против идеи единой китайской государственности. Конфуцианство с его компромиссным отношением к государственному регулированию возродило веру в государственность как таковую. Однако государство нуждалось в комплементарных учениях, которые были бы способны дополнять позицию конфуцианства в тех вопросах, какие для него были слепым пятном. Как предпринимательство было слепым пятном для конфуцианства и его дополнял даосизм, так при У-ди конфуцианство не акцентировало внимание на таких вопросах, как увеличение доходных статей бюджета и регулирование цен. Для него эти виды деятельности были отклонением от этического идеала. И утрачивавший свое политическое влияние легизм становился той самой комплементарной идеологией.

Заключение

Итак, мы рассмотрели гипотезу о связи между идеологиями и институтами, но подошли к этому со стороны допущения о наличии т. н. комплементарных институтов. Если

¹ Подробнее о нем и его концепции см.: (Книга..., 1993).

² Хотя и однозначное отождествление сановника с легизмом тоже можно считать допущением. Подробнее об идентификации участников спора, а также о возможных трактовках текста см. введение к изданию русскоязычного перевода «Спора о соли и железе», выполненный крупнейшим отечественным исследователем трактата Ю. Л. Кролем (Хуань Куань, 2001. С. 7–128).

предположение о связи между институтами и идеологиями трудно оспорить, то допущение о наличии комплементарных институтов усложняет задачу: а могут ли в одном обществе сосуществовать комплементарные идеологии? Если в обществе, обладающем электоральными механизмами, разные идеологии могут соседствовать, но не всегда обладать одинаковым влиянием на принимаемые политические решения, то как эта проблема может быть решена вне электоральных процессов и могут ли идеологии стать комплементарными, т.е. взаимодополняющими, или они всегда соперники?

История Китая и история конфуцианства показывают, что равно как для институтов, так и для идеологий возможно быть комплементарными. Этика конфуцианства создавала соответствующую социальную идентичность для своих носителей. Однако она обладала слепыми пятнами: конфуцианство на заре своего существования как государственной идеологии ничего не сообщало правителю об активном регулировании экономики, конфуцианство же не могло создать идентичность для китайских торговцев. И в разные периоды эти лакуны заполнялись комплементарными идеологиями.

Список источников

- Арсланов В. В. Религия как независимая переменная. Эконометрические исследования Реформации // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 4(9). С. 49–70.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ., 4-е изд. М.: «Дело Лтд», 1994. 720 с.
- Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г. М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. редакц., комм. Н. Проценко, А. Черняева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 552 с.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм: пер. с нем. и предисл. О. В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2017. 446 с.
- Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли: пер. с англ. И. Кушнарева; вступит. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
- Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени / под ред. Стивена Бродберри и Кевина О'Рурка. Том 1: 1700–1870. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 464 с.
- Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
- Кирдина С. Г., Кузнецова А. В., Сенько О. В. Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 3–13.
- Кирдина-Чэндлер С. Г., Круглова М. С. «Общество», «государство» и институциональные матрицы: опыт междисциплинарного мезоанализа // Социологические исследования. 2019. № 10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101-4.
- Книга правителя области Шан: (Шан Цзюнь Шу). Изд. 2-е, доп. с вступ. ст., коммент., послесл. Л. С. Переломова. М.: Ладомир. 1993. 392 с.
- Кожин П. М. Китайский буддизм // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия. Гл. ред. М. Я. Титаренко; ред. М. Я. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2007. 869 с. С. 260–268.
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»): пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. сл. Л. С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
- Коровин Г. Б., Крохина Е. А. Комплементарные институты финансирования региональной экономики // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21, № 4. С. 30–39. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-4-30-39>.
- Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неоллиберализма: пер. с фр. С. Рындина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 430 с.
- Масперо А. Даосизм: пер. с фр. В. Ю. Быстрова / под ред. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2007. 294 с.
- Майоров В. М. Хроника политических событий // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 томах. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. — III в. н. э.) / отв. ред. Л. С. Переломов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 687 с. С. 239–257.
- Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономической прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с.
- Норт Д. Понимание процесса экономических изменений: пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества: пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.

- Пирсон К. Просто собственность: ее история на латинском Западе: в 2 т. Т. 1: Богатство, добродетель и право. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 520 с.
- Пэй Чан-хун. Экономическая мысль // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко и др. 2009. С. 576–585.
- Роббинс Л. История экономической мысли. Лекции в Лондонской школе экономики: пер. с англ. Н. В. Автономовой под ред. В. С. Автономова. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 493 с.
- Саид Э. Ориентализм. М.: Русский Мир, 2006. 636 с.
- Студенцов В. Б. Перечитывая «Протестантскую этику» Макса Вебера: вопросы, сомнения, возражения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 1. С. 130–143.
- Сушенцова М. С., Мирошниченко М. А., Лымарь Ф. А. Марксизм и либерализм о справедливости: философское обоснование и экономическая интерпретация // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 1. С. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.8>.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. IV: пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Изд-во «Наука», 1986. 453 с.
- Тамбовцев В. Л. Методология эмпирического анализа неформальных институтов // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12, № 3. С. 6–23.
- Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. 1. Пер. с китайского, коммент. и прил. Ю. Л. Кроля. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 407 с.
- Шумпетер Й. Наука и идеология // Философия экономики. Антология: пер. с англ./ Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. 2012. С. 247–264.
- Acemoglu D., Robinson J. Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Publishers. 2012. 571 p.
- Acemoglu D., Robinson J. Non-Modernization: Power-Culture Trajectories and the Dynamics of Political Institutions // NBER Working Paper. 2021. No. 29007.
- Akerlof G., Kranton R. Economics and Identity // Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115, No. 3. P. 715–753.
- Amable B. Institutional complementarities in the dynamic comparative analysis of capitalism // Journal of Institutional Economics. 2016. Vol. 12(1). P. 79–103. DOI:10.1017/S1744137415000211.
- Aoki M. Towards a comparative institutional analysis: motivations and some tentative theorizing // Japanese Economic Review. 1996. Vol. 47, No. 1. P. 1–19.
- Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge: MIT Press, 2001. 468 p.
- Bo Stråth. Ideology and Conceptual History // The Oxford Handbook of Political Ideologies. In Michael Freeden and Marc Stears (Eds.). Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 17–37.
- Chen Jie. A Middle Class without Democracy: Economic Growth and the Prospects for Democratization in China. New York: Oxford University Press. 2013. 210 p.
- Cranston Maurice. Ideology. Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/ideology-society/The-philosophical-context> (дата обращения: 15.08.2021).
- Freeden M. The Morphological Analysis of Ideology // The Oxford Handbook of Political Ideologies. In Freeden M., Sargent L.T., Stears M. (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 115–137.
- Gagliardi F. A Bibliometric Analysis of the Literature on Institutional Complementarities // EAEPE Annual Conference. 2013.
- Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 2001. 596 p.
- Hu Xiang Ming, Yang Xiao Ming. The Characteristics of the Typical Pattern of Jin-merchant Culture and Its Use in Traditional Decorative Design // Asian Social Science. 2020. Vol. 16, No. 6. P. 34–36.
- Huang Hua-Lun, Wang John Zheng. From Religious Cult to Criminal Gang: The Evolution of Chinese Triads (Part 1) // Journal of Gang Research. 2002. Vol. 9, No. 4. P. 25–32.
- Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley: University of California Press. 1984. 251 p.
- Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence. Cambridge, UK; New York, 2005. 333 p.
- Jianhui Feng. A study of escaping trade and embracing Confucianism of Huizhou merchant during Ming and Qing dynasty Focusing on the Zheng family of Changling Shexian // Journal of Huangshan University. 2008. No. 4 P. 19–26.
- Kwan Man Bun. The Salt Merchants of Tianjin: State-Making and Civil Society in Late Imperial China. Honolulu: University of Hawai'i Press. 2001. 256 p.
- Laclau E. Deconstruction, pragmatism, hegemony // Deconstruction and Pragmatism / In C. Mouffe (Eds.). London: Routledge. 1996. P. 47–68.
- Mokyr J. A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy. Princeton: Princeton University Press, 2017. 403 p.
- Mullins W. On the Concept of Ideology in Political Science // American Political Science Review. 1972. Vol. 66, No. 2. P. 498–510. DOI:10.2307/1957794.
- Pomeranz K. The great divergence: China, Europe and the making of the modern world economy. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 2000. 392 p.

Turner B. Ideology and Post-structuralism after Bernard Stiegler // *Journal of Political Ideologies*. 2017. Vol. 22(1). P. 92–110. DOI: 10.1080/13569317.2016.1253135.

Weber M. Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. No. 20(1). 1904. P. 1–54.

Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. No. 2. P. 322–343.

Wu G. Zheng Guanying: Merchant Reformer of Late Qing China and His Influence on Economics, Politics, and Society. Amherst, NY: Cambria Press. 2010. 304 p.

Zhang Yichi. From 'Arcadia of the literati' to 'extravagant enclosure': the Tianjin salt merchant gardens of the Qing Dynasty // *Landscape Research*. 2020. Vol. 45, No. 7. P. 789–801.

Zhu J. S., Nyland C. Chinese employer associations, institutional complementarity and countervailing power // *Work, Employment and Society*. 2017. Vol. 31, No. 2. P. 284–301. DOI:10.1177/0950017016643480.

References

Arslanov, V. V. (2020). *Religiya kak nezavisimaya peremennaya. Ekonometricheskie issledovaniya Reformatsii* [Religion as an independent variable. econometric studies of the reformation]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Theoretical Economics]*, 4(9), 49–70. (In Russ.)

Blaug, M. (1994). *Ekonomicheskaya mysl' v retrospective [Economic theory in retrospect]*. 4th Edition. Moscow, Russia: "Delo Ltd", 720. (In Russ.)

Wallerstein, I. (2016). *Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]*. Preface by G. M. Derlug'yan. Translated, edited, commented by N. Protsenko, A. Chernyaev. 2nd Edition. Moscow, Russia: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 552. (In Russ.)

Weber, M. (2017). *Khozyaystvennaya etika mirovykh religii. Opyty sravnitel'noy sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm [The Economic Ethics of World Religions. Confucianism, Taoism]*. Translated from German by O. V. Kil'dyushov. St Petersburg, Russia: Vladimir Dal', 446. (In Russ.)

Greif, A. (2013). *Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoi trgovli [Institutions and the Path to the Modern Economy. Lessons from Medieval Trade]*. Translated from English by I. Kushnareva. Opening article by M. Yudkevich. HSE University. Moscow, Russia: Publishing House of HSE University, 536. (In Russ.)

Broadberry, S. & O' Rourke, K. (Eds.) (2013). *Kembridzhskaya ekonomicheskaya istoriya Evropy Novogo i Noveyshego vremeni. Tom 1: 1700–1870 [The Cambridge Economic History of Modern Europe. Volume 1: 1700–1780]*. Moscow, Russia: Publishing House of Gaydar's Institutions, 464. (In Russ.)

Kirdina, S. G. (2014). *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu [The Institutional Matrix and the Developments of Russia: an Introduction to X-Y theory]*. 3rd Edition, pererabotannoe, rasshirennoe i illyustrirovannoe. St Petersburg, Russia: Nestor-Istoriya, 468. (In Russ.)

Kirdina, S. G., Kuznetsova, A. V. & Sen'ko, O. V. (2015). *Klimat i institutsional'nye matritsy: mezhstranovoy analiz [Climate and institutional matrices: cross-country analysis]*. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 9, 3–13. (In Russ.)

Kirdina-Chandler, S. G. & Kruglova, M. S. (2019). "Obshchestvo", "gosudarstvo" i institutsional'nye matritsy: opyt mezhdistsiplinarnogo mezoanaliza ["Society", "State" and Institutional Matrixes: a Case in Interdisciplinary Meso-Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 10, 15–26. DOI: 10.31857/S013216250007101–4. (In Russ.)

Kniga pravatelya oblasti Shan (Shan tszyun' shchu) [The book of Lord Shang]. (1993). 2nd Edition. Translated by L. S. Perelomov. Moscow, Russia: Ladomir, 392.

Kozhin, P. M. (2007). *Kitayskiy buddizm [Chinese Buddhism]*. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. T. 2. Mifologiya. Religiya [Spiritual culture of China: Encyclopedia: in 5 vols. Vol. 2. Mythology. Religion]*. Chief-Editor: M. L. Titarenko; In M. L. Titarenko et al. (Eds.). Moscow, Russia: East lit., 260–268. (In Russ.)

Konfutsianskoe "Chetveroknizhie" ("Sy shu") [Four Books (Si Shu)] (2004). Translated and commented by A. I. Kobzev, A. E. Luk'yanov, L. S. Perelomov, P. S. Popov with the involvement V. M. Mayorova. Introductory statement of L. S. Perelomov. Institute of Far East. Moscow, Russia: East lit., 431. (In Russ.)

Korovin, G. B., & Krokhnina, E. A. (2017). *Komplementarnye instituty finansirovaniya regional'noy ekonomiki [Complementary institutions for funding regional economies]*. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: theory and practice]*, 21(4), 30–39. DOI: <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-4-30-39>. (In Russ.)

Laval, Ch. (2010). *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma [An economic person. An essay on the origin of Neoliberalism]*. Translated from French by S. Ryndin. Moscow, Russia: Novoe literaturnoe obozrenie, 430. (In Russ.)

Maspero, A. (2007). *Daosizm [Taoism]*. Translated from French by V. Yu. Bystrov. In S. V. Pakhomov (Eds.). St Petersburg, Russia: Nauka, 294. (In Russ.)

Mayorov, V. M. (2016). *Khronika politicheskikh sobytiy [Chronicle of political events]*. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 tomakh. T. II. Epokha Chzhan'go, Tsin' i Khan' (V v. do n.e. — III v n.e.) [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes. Vol. II. The era of Zhanguo, Qin and Han (V century BC — III century AD)]*. Chief-Editor L. S. Perelomov. IFES RAS. Moscow, Russia: Nauka — Vost., 239–257. (In Russ.)

- Mokyr, J. (2014). *Rychag bogatstva. Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskoy progress [The lever of riches: Technological Creativity and economic Progress]*. Moscow, Russia: Publishing House of the Gaidar Institute, 504. (In Russ.)
- North, D. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii [Understanding the process of economic change]*. Translated from English by K. Martynov, N. Edel'man. Moscow, Russia: Publishing House of HSE University, 256. (In Russ.)
- North, D., Wallis, J. & Weingast, B. (2011). *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]*. Translated by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov, A. Raskovoy. Moscow, Russia: Publishing House of the Gaidar Institute, 480. (In Russ.)
- Parsons, T. (1993). Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya [The concept of society: the components and their interrelations]. *THESIS*, 2, 94–122. (In Russ.)
- Pierson, Ch. (2020). *Prosto sobstvennost': ee istoriya na latinskom Zapade: v 2 t. T. 1: Bogatstvo, dobrodetel' i parvo [Just Property. A History in the Latin West. In 2 Volumes. Volume One: Wealth, Virtue, and the Law]*. Moscow, Russia: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS, 520. (In Russ.)
- Pey, Chan-khun (2009). Ekonomicheskaya mysl' [Economic thought]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. [Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 volumes]*. In M. L. Titarenko (Eds.). IFES RAS. Moscow, Russia: East Literature, 2006–2010. Vol. 5: Nauka, tekhnicheskaya i voennaya mysl', zdavookhraneniye i obrazovaniye [Science, technical and military thought, health and education]. In M. L. Titarenko et al. (Eds.), 576–585. (In Russ.)
- Robbins, L. (2013). *Istoriya ekonomicheskoy mysli: leksi v Londonskoy shkole ekonomiki [A History of Economic Thought: The LSE Lectures]*. Translated by N. V. Avtonomova. In V. S. Avtonomov (Eds.). Moscow, Russia: Publishing House the Gaidar Institute, 493. (In Russ.)
- Said, E. (2006). *Orientalizm [Orientalism]*. Moscow, Russia: Russkiy Mir, 636. (In Russ.)
- Studentsov, V. B. (2019). Perechityvaya «Protestantskuyu etiku» Maksa Vebera: voprosy, somneniya, vozrazheniya [Rereading Max Weber's "Protestant Ethic": Questions, Doubts, and Objections]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, 16(1), 130–143. (In Russ.)
- Sushentsova, M. S., Miroshnichenko, M. A. & Lymar, F. A. (2021). Marksizm i liberalizm o spravedlivosti: filosofskoe obosnovaniye i ekonomicheskaya interpretatsiya [Justice problem with Marxist and liberal approaches: philosophical justification and economic interpretation]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Russian journal of economic theory]*, 18(1), 116–126. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-1.8>. (In Russ.)
- Sima, Qian (1986). *Istoricheskie zapiski (Shi tsi) [The Records of the Grand Historian (Shiji)]*. Translated from Chinese by R. V. Vyatkin. Moscow, Russia: Izd-vo "Nauka", 453. (In Russ.)
- Tambovtsev, V. L. (2020). Metodologiya empiricheskogo analiza neformal'nykh institutov [Methodology for Empirical Analysis of Informal Institutions]. *Journal of Institutional Studies*, 12(3), 6–23. (In Russ.)
- Huan, Kuan (2001). *Spor o soli i zheleze (Yan' te lun') [The Discourses on Salt and Iron (Yán Tiě Lùn)]*. Vol. 1. Translated from Chinese by Yu L. Krol'. Moscow, Russia: Publishing firm "Vostochnaya literature" RAN, 407. (In Russ.)
- Shumpeter, J. (2012). Nauka i ideologiya [Science and Ideology]. *Filosofiya ekonomiki. Antologiya [The Philosophy of Economics]*. Translated from English. In D. Hausman (Eds.). Moscow, Russia: Publishing House of the Gaidar Institute, 247–264. (In Russ.)
- Acemoglu, D. & Robinson, J. (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Publishers, 571.
- Acemoglu, D. & Robinson, J. (2021). Non-Modernization: Power-Culture Trajectories and the Dynamics of Political Institutions. *NBER Working Paper*, 29007.
- Akerlof, G. & Kranton, R. (2000). Economics and Identity. *Quarterly Journal of Economics*, 115(3), 715–753.
- Amable, B. (2016). Institutional complementarities in the dynamic comparative analysis of capitalism. *Journal of Institutional Economics*, 12(1), 79–103. DOI:10.1017/S1744137415000211.
- Aoki, M. (1996). Towards a Comparative Institutional Analysis: motivations and some tentative theorizing. *Japanese Economic Review*, 47(1), 1–19.
- Aoki, M. (2001). *Toward a Comparative Institutional Analysis*. Cambridge: MIT Press, 468.
- Bo, Stråth (2013). Ideology and Conceptual History. *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. In Michael Freeden and Marc Stears (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 17–37.
- Chen, Jie (2013). *A Middle Class without Democracy: Economic Growth and the Prospects for Democratization in China*. New York: Oxford University Press, 210.
- Cranston, Maurice. *Ideology. Britanica*. Retrieved from: <https://www.britannica.com/topic/ideology-society/The-philosophical-context> (Date of access: 15.08.2021).
- Freeden, M. (2013). The Morphological Analysis of Ideology. *The Oxford Handbook of Political Ideologies*. In Freeden M., Sargent L. T., Stears M. (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 115–137.
- Gagliardi, F. (2013). A Bibliometric Analysis of the Literature on Institutional Complementarities. *EAEPE Annual Conference*.
- Hofstede, G. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 596.
- Hu Xiang Ming & Yang Xiao Ming (2020). The Characteristics of the Typical Pattern of Jin-merchant Culture and Its Use in Traditional Decorative Design. *Asian Social Science*, 16(6), 34–36.

- Huang, Hua-Lun & Wang, John Zheng (2002). From Religious Cult to Criminal Gang: The Evolution of Chinese Triads (Part 1). *Journal of Gang Research*, 9(4), 25–32.
- Hunt, L. (1984). *Politics, Culture, and Class in the French Revolution*. Berkeley: University of California Press, 251.
- Inglehart, R. & Welzel, C. (2005). *Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 333.
- Jianhui, Fengj (2008). A study of escaping trade and embracing Confucianism of Huizhou merchant during Ming and Qing dynasty Focusing on the Zheng family of Changling Shexian. *Journal of Huangshan University*, 4, 19–26. (In Chinese)
- Kwan, Man Bun (2001). *The Salt Merchants of Tianjin: State-Making and Civil Society in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 256.
- Laclau, E. (1996). Deconstruction, pragmatism, hegemony. In C. Mouffe (Eds.). *Deconstruction and Pragmatism*. London: Routledge, 47–68.
- Mokyr, J. (2017). *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy*. Princeton: Princeton University Press, 403.
- Mullins, W. (1972). On the Concept of Ideology in Political Science. *American Political Science Review*, 66(2), 498–510. DOI:10.2307/1957794.
- Pomeranz, K. (2000). *The great divergence: China, Europe and the making of the modern world economy*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 392.
- Turner, B. (2017). Ideology and Post-structuralism after Bernard Stiegler. *Journal of Political Ideologies*, 22(1) 92–110. DOI: 10.1080/13569317.2016.1253135.
- Weber, M. (1904). Die protestantische Ethik und der „Geist“ des Kapitalismus. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 20(1), 1–54.
- Wright, J. (2008). Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment. *American Journal of Political Science*, 52(2), 322–343.
- Wu, G. (2010). *Zheng Guanying: Merchant Reformer of Late Qing China and His Influence on Economics, Politics, and Society*. Amherst, NY: Cambria Press, 304.
- Zhang, Yichi (2020). From 'Arcadia of the literati' to 'extravagant enclosure': the Tianjin salt merchant gardens of the Qing Dynasty. *Landscape Research*, 45(7), 789–801.
- Zhu, J. S. & Nyland, C. (2017). Chinese employer associations, institutional complementarity and countervailing power. *Work, Employment and Society*, 31(2), 284–301. DOI:10.1177/0950017016643480.

Информация об авторе

Вольнский Андрей Игоревич — научный сотрудник, Институт экономики РАН; <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870> (Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: ava3003@hotmail.com).

About the author

Andrei I. Volynskii — Researcher, Institute of Economics of the RAS; <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870> (32, Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ava3003@hotmail.com).

Дата поступления рукописи: 31.06.2021.

Прошла рецензирование: 13.07.2021.

Принято решение о публикации: 15.09.2021.

Received: 31 Jun 2021.

Reviewed: 13 Jul 2021.

Accepted: 15 Sep 2021.